

РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕКУРСИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Итерация – от человека.

Рекурсия – от Бога.

*Л. Питер Дойч*¹

В науке не редкость, когда различные отрасли научного знания, двигаясь различными направлениями, в итоге приходят к одинаковым выводам, но первенство в научной методологии по-прежнему принадлежит математике. «**Рекурсия** [recurrence] – в общем смысле вычисление функции по определенному алгоритму. Примерами таких алгоритмов являются рекуррентные формулы, выводящие вычисление заданного члена последовательности (чаще всего числовой) из вычисления нескольких предыдущих ее членов»². Другими словами, «рекурсия – способ общего определения множества объектов или функций через себя, с использованием ранее заданных частных определений»³. О мощности рекурсивного метода свидетельствует решение так называемой задачи «Ханойские башни».

В одном из буддийских монастырей монахи уже тысячу лет пытаются переложить 64 упорядоченных по размеру кольца с пирамиды «источник» на пирамиду «задание» через пирамиду «запас» при условии, что кольцо большего размера нельзя класть на кольцо меньшего размера. Несмотря на то, что монахи перекладывают одно кольцо за одну секунду, считается, что закончить свою работу они смогут лишь к концу света.

Алгоритм передвижения.

Если число дисков на источнике равно одному – передвинуть в задание, в противном случае – рекурсивно передвинуть все диски, кроме одного, из источника в запас, используя задание как запас, затем передвинуть оставшийся диск из источника в задание, затем все диски из запаса в задание, используя источник как запас⁴.

В лингвистике заимствованный из математики термин *рекурсия* стал ассоциироваться со способностью языка порождать вложенные синтаксические структуры. Наглядным примером этого является стихотворение Р. Бернса «Дом, который построил Джек» в переводе С.Я. Маршака:

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,

¹ Цит. по: Кнут, Дональд. Искусство программирования / Дональд Кнут. – 3-е изд. – М.: «Вильямс», 2006. – Т.1. Основные алгоритмы. – С.720.

² Лопатников, Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки / Л.И. Лопатников. – 5-е изд. – М.: Дело, 2003. – 520 с.

³ Рекурсия // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Рекурсия>. – Дата доступа: 16.03.2011.

⁴ Там же.

Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек⁵.

Глубина атрибутивной рекурсии в сложном предложении достигает восьмого уровня. Другой пример – стихотворение А. Блока:

Ночь, улица, фонарь, аптека.
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь⁶.

Здесь лишь два уровня рекурсии, но затрагивает она всю композицию текста, художественная выразительность которого впечатляет. Любопытно, что с математической точки зрения рекурсия во втором стихотворении примитивнее, чем в первом: $P=P_n[P_{n-1}]$ vs. $P=P_n[S, P_{n-1}]$, где P — синтаксическая структура, а S — совокупность элементов синтаксической структуры, не участвующих в рекурсии⁷. Мог ли подобный композиционный прием остаться без внимания языковедов? Разумеется, нет. «Каждое новое поколение носителей языка стремиться усвоить тавтологические новообразования, что, естественно, ведет к бурному увеличению лексического состава языка со всеми вытекающими отсюда последствиями. При этом ученые пытаются определить происхождение каждой новации путем установления пути ее развития. Этот процесс может быть реализован перспективно или ретроспективно (подчеркнуто нами – А.Г.). В первом случае исследователь выбирает из лексических запасов некоторое слово, которое ему кажется предшественником данного, и пытается заполнить промежуток между ними. Во втором, достаточно редком случае, предшественника реконструируют, т.е. восстанавливают ретроспективно, что сужает и упрощает поиск. Причины этого развития заключаются в том, что в первом случае анализ практически осуществляется от неизвестного, которому сразу же приходится приписать некоторые характеристики, а во втором анализ ведется от известного с пошаговым переходом к неизвестному. Это тонкое различие часто остается незамеченным, ибо исследователь предлагает решение ad hoc в завуалированной форме. В прошлом всегда можно найти несколько кандидатов на решение. В

⁵ Маршак, С. Я. Дом, который построил Джек; Ключ от королевства: Из англ. нар. поэзии, дет. песенки: [Для дошк. и мл. шк. возраста] / С.Я. Маршак. — М.: «Росмэн», 1996. — 62 с.

⁶ Блок, А.А. Стихотворения и поэмы / А.А. Блок. — М.: Правда, 1978. — 480 с.

⁷ См.: Лодатко, Е.А. Рекурсивные лингвистические структуры / Е.А. Лодатко // Науч.-метод. сборник. — Славянск: СГПУ, 2004. — Вып. XII: Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. — С. 86-95.

настоящем – кандидат только один”⁸. Ретроспекция в лингвистике есть, по сути, рекурсия в математике. Три замечательных языковеда Ян Розвадовский, Иван Бодуэн де Куртенэ и Михаил Беляев настойчиво развивали простую и понятную на быденном уровне, но до сих пор не воспринятую лингвистической общественностью мысль: бывают потенциальные родители без детей, но не бывает детей без реальных родителей, причем родителей всегда двое. Речь идет о теории двухкомпонентности языковых знаков Я. Розвадовского (согласно которой один знак порождается из двух других, находящихся в отношении определяемое – идентификатор⁹ и определяющее – модификатор¹⁰, с последующей сверткой в пользу модификатора, вплоть до полного стирания идентификатора: *столовая комната* → *столов-ка* → *столовая-Ø*¹¹), исторической фонетике И.А. Бодуэна де Куртенэ и исторической морфологии М.В. Беляева. Например, «в сочетаниях *ke, ki...* фонема *k* может подвергнуться смягчающему влиянию фонем *e* и *i*; но, став среднеязычным, или «мягким», *k* начинает уже само по себе, как *k'* «мягкое», перерождаться в переднеязычном направлении, к *cz* или *c*”¹². В исторической морфологии механизм развертки аналогичен. Китайский и русский языковой плеоназм 画画 *huà huà* «рисовать рисунок», 玩玩 *wán wán* «играть игру» (кит.); открыть крышку, крыть крышу, останавливаться на остановке, петь песню, танцевать танец (рус.) указывает на совмещение знаками обозначения предметов и их признаков (свойств и процессов) в глоттогенезе. Мысль о зарождении предложения путем расчленения синкретического сигнала типа «гром гремит», изначально обозначавшимся одним звукокомплексом наподобие **grm*¹³, впервые высказал М.В. Беляев, который считал, что логическому расчленению цельного явления на предмет (*гром*) и

⁸ Мартынов, В.В. В центре сознания человека / В.В. Мартынов. – Минск: БГУ, 2009. – С.149-150.

⁹ В терминологии комбинаторной семантики – *актуализатор* (см.: Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск: БГУ, 1998. – С.33-37).

¹⁰ См.: Rozwadowski J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów // Wybór pism. — Warszawa: PWN, 1960. — T.3. Językoznawstwo ogólne. — S.21-95.

¹¹ В развитии идеи А.В. Исаченко о семантической конденсации [1, с.338], знаки со стертым актуализатором нами рассматриваются как предельно свернутые или **сжатые** (об этимологических процедурах реконструкции двухкомпонентности знаков см.: Мартынов, В.В. Этимология и скрытая двухкомпонентность слова // *Studia etymologica Brunensia* 2. — Praha, 2003. — С.81-91).

¹² Бодуэн де Куртенэ, И.А. Фонология // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — Т.1. — С.361.

¹³ Ср.: «Евр., араб., эфиоп. *g'm* ‘гром’, ‘гремять’ (аккад. *rgm*?) принято производить от прасемитского *RGM*» (Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (свидетельство прасемитского запаса корней) / А.М. Газов-Гинзберг. — М., 1965. — С.59); «Считаем уместным напомнить особую склонность к метатезе сочетаний сонорных и сонорных со смычными в самых различных языках, так что в данном случае также вполне можно предположить **GRM* > *RGM*» (Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке / Г.Е. Корнилов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1984. – С.119).

действие (*гремит*) «соответствует синтаксическое расчленение: субъекта (*гром*) и предиката (*гремит*) и морфологическое соответственное расчленение, обособление, выделение и формирование двух категорий речи: имени и глагола»¹⁴. На втором этапе возникают определения к имени и глаголу (*громкий гром гремит громко*), а на третьем – *гремящий громкий гром гремит громко гремя*, т.е. происходит распространение предложения за счет расширения предикативной основы. Данный процесс прослеживается в детской речи, языках отсталых племен и звуковых реакций высших животных. Е.И. Негневицкая и А.М. Шахнарович приводят пример того, как ребенок начинает дифференцировать знак: «Слово тпру, означающее сначала и предмет (лошадь), и действие (поедем, остановить), и желание покататься, приобретает фиксированный в языке суффикс существительного и начинает в таком виде обозначать только предмет (тпрука)»¹⁵. Б.В. Якушин утверждает, что сходная диффузность ментальных операций наблюдается в языке племени аранта, где «одно и то же слово обозначает и «корни водяной лилии», и «кости человека», и «ночь», объединяемые общим признаком «невидимого»¹⁶, а также у некоторых высших животных, для которых «жизненно значимые элементы ситуации образуют... ее ядро. Все же остальные ее явления слабо различимы»¹⁷. Н.И. Жинкин выясняет, что количество ситуаций, вызывающих звуковую реакцию обезьян невелико: у шимпанзе волнение выражалось уханьем, удовлетворение – хрюканьем, удивление – мычанием; у гамадрил выделялось 18 односложных сигналов (ak, hon, au, i и т.д.), соответствовавших отдельным ситуациям¹⁸. Отмеченные факты показывают, что язык развивался в направлении от звукового симптома к звуковому сигналу и знаку¹⁹, который впоследствии мог приобретать символическое (графическое) изображение, а прерогатива в обслуживании коммуникации древних людей принадлежит междометиям²⁰. Вывод хорошо согласуется с антропологическими и анатомо-физиологическими данными, поскольку «в составе древнейших голосовых звуков преобладали выдыхательные тоны и шумы»²¹, тогда как, по

¹⁴ Беляев, М.В. Проблема грамматики: (Методологические основы грамматического изучения языка) // Ученые записки Сталинградского ГПИ. — 1939. — Т. I. — С.83.

¹⁵ Негневицкая, Е.И., Шахнарович, А.М. Язык и дети. — М., 1981. — С.33.

¹⁶ Якушин, Б.В. Гипотезы о происхождении языка / Б.В. Якушин. — М., 1984. — С.76.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Жинкин, Н.И. Коммуникативная система обезьян // Изв. АПН. — 1960. — №113.

¹⁹ Симптом – информативен, сигнал – предикативен, знак – номинативен. О различии симптома, сигнала и знака см. также: Мартынов, В.В. Семиологические основы информатики. — Минск, 1974. — С. 19.

²⁰ Более подробно о происхождении языка из междометий см.: Гордей, А.Н. Междометие как минимальная коммуникативная единица. Дисс... канд. филол. наук. — Минск, 1992. — С. 34–40. По этому поводу см. также обширный фактический и библиографический материал в: Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (свидетельство прасемитского запаса корней). — М., 1965. — 183 с.

²¹ Бунак, В.В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. — М., 1966. — С.521.

замечанию А.А. Поцелуевского, «кроме звуков, производимых выдыхательной струей воздуха, современный человек использует выдыхательные шумы, но, как правило, лишь в качестве междометий или в общении с животными»²². Поэтому М.В. Беляев, обращая внимание на то, что «процесс словообразования или деривации своими корнями проникает в глубочайшую, часто недостижимую древность»²³, вместе с тем был склонен видеть в корне *grm «синкретический сигнал», подвергнутый расщеплению. Точку в данном вопросе поставил Г.Е. Корнилов, насчитавший 38 древнейших языковых имитативов: «**Первичный корень**, как правило, не допускает дальнейшего членения на словообразовательные компоненты, поскольку он **не является и никогда не был словом**, т.е. лексической единицей в современном понимании. <...> **Корень** ... по происхождению является **имитативом**, что функционально равнозначно современному **предложению**, то есть атрибутивно-предикативной синтагме. **Звуки**, составляющие первичный корень, по происхождению являются не **фонемами**, а **идеофонами**..., функционально равнозначными современному **слову**»²⁴. Г.Е. Корнилов подчеркивает: «Теория имитативов как наука не противостоит традиционному сравнительно-историческому языкознанию и не призвана его заменить. Имитативика должна дополнить компаративистику, четко разделив с ней объекты исследования»²⁵. В этой связи напомним знаменитое высказывание Анны Вежбицкой: «Теоретическая семантика, если она действительно стремится к познанию и подробной фиксации семантической структуры человеческой речи, не может остановиться на полпути. Она должна довести минимизацию (reduction) до конца, до тех пор, пока она не дойдет до таких составляющих человеческих высказываний, которые уже просто не могут быть подвергнуты дальнейшему разложению»²⁶. Имитативы Г.Е. Корнилова, по сути дела, и являются подобными минимальными составляющими человеческих высказываний. В настоящее время большинство лингвистов, учитывая эволюционную теорию Ч. Дарвина о происхождении человека и биогенетический закон Э. Геккеля, согласно с тем, что на первоначальных стадиях развития языка как в филогенезе, так и в онтогенезе «исходной формой высказывания были не отдельные слова или предложения, а внешне, в знаке нерасчлененное слово-предложение, содержащее указание на действие и предмет (субъект действия)»²⁷. С этого момента в свои права вступают семантические категории модели мира (пресуппозиции) и языковой картины мира

²² Цит. по: Бунак, В.В. Речь и интеллект... С. 522.

²³ Беляев, М.В. Слово / М.В. Беляев // Праці Одеського державного університета. – 1957. – Т.1. – Вып. 2(55). – С. 85.

²⁴ Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке... С. 181.

²⁵ Там же.

²⁶ Вежбицка, А. Из книги «Семантические примитивы» / А. Вежбицка // Семиотика: Антология. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С.244.

²⁷ Якушин, Б.В. Гипотезы о происхождении языка... С.84.

(презумпции)²⁸, ибо, по справедливому замечанию основателя праксеологии²⁹ Т. Котарбинского, «существуют такие понятия, как «виновник», «орудие», «продукт труда» <...> Мы находимся здесь в сфере различных категорий, по видимости онтологических, а по существу семантических»³⁰.

Модель мира (скрытое знание) – архитектура стереотипов, т.е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие.

Языковая картина мира (открытое знание) – декодированная (представленная и преобразованная) посредством языка часть модели мира для сознательного управления интеллектуальной деятельностью, т.е. частичная архитектура стереотипов (частично упорядоченное множество стереотипов и частично упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие).

Индивид – разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира.

Признак индивида – разновидность стереотипа как свойства отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира или процесса (акции), в котором эта сущность участвует.

Акция – воздействие одного индивида на другой.

Роли индивидов в модели мира: *субъект* – инициатор акции, *объект* – реципиент акции, *инструмент* – исполнитель акции (ближайший к субъекту индивид), *медиатор* – посредник акции (ближайший к объекту индивид). Медиатор, являющийся ближайшим окружением объекта, играет дополнительную роль *локуса*.

Синтаксис – лингвистическая дисциплина, изучающая комбинаторику составных частей языковых структур. Под синтаксисом понимается также упорядоченность языковых структур и техника (алфавит и правила) их построения и преобразования.

Подлежащее, сказуемое, прямое дополнение – имена, соответственно, субъекта, акции и объекта в языковой картине мира.

²⁸ Вслед за В.В. Мартыновым мы различаем презумпцию и пресуппозицию в том смысле, что «первая может быть установлена через синтаксическое преобразование сконденсированного простого предложения в сложное, а вторая синтаксически не выводима, т.е. относится к экстралингвистической области» (Мартынов, В.В. Категории языка / В.В. Мартынов. – М.: Наука, 1982. – С.187. О другой точке зрения, рассматривающей презумпцию и пресуппозицию как синонимы см.: Падучева, Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике / Е.В. Падучева // Семиотика и информатика. – М., 1977. – Вып. 8.

²⁹ Универсальной науки об управлении, имеющей сходные черты с тектологией А.А. Богданова и кибернетикой Н. Винера (см.: Богданов, А.А. Очерки всеобщей организационной науки / А.А. Богданов. — Самара, 1921. — 332 с.; Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. — М., 1983. — 344 с.).

³⁰ Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе / Т. Котарбинский. – М.: Экономика, 1975. – С.31.

Рекурсивный синтаксический анализ может проводиться с опорой на языковую картину мира и частичной реконструкцией членов предложения или с опорой на модель мира и полной реконструкцией членов предложения. Например, в предложении *Без труда не выудишь и рыбку из пруда* при помощи языковой картины мира легко восстанавливается пропущенное подлежащие ты. Преимущество рекурсивного (ретроспективного) синтаксического анализа над перспективным (проспективным) состоит в том, что во втором случае в поверхностной структуре предложения подбирают подходящих кандидатов на роль главных и второстепенных членов предложения: *Он* — подлежащее, *учитель* — сказуемое, и не важно, что в роли сказуемого оказывается существительное в именительном падеже. В первом же — пропущенный член предложения реконструируют, т.е. восстанавливают ретроспективно: *Он есть учитель*, где *он* — подлежащее, *есть* — сказуемое, *учитель* — прямое дополнение, что подтверждается наличием сказуемого в прошедшем или будущем времени: *Он был/будет учителем*. Отсюда следует, что в русском языке роль дополнения способен играть знак в именительном падеже, с чем легко согласиться, поскольку в дополнениях формам именительного и винительного падежей свойственно совпадать, порой вопреки одушевленности или неодушевленности существительных³¹. Рекурсия, при которой роль того или иного члена предложения играет номинативное сочетание вариантов знаков, называется **простой**, предикативное — **сложной**. Исследования Е.Л. Дубовик показали, что все сложные предложения порождаются рекурсивно³². Эффективность рекурсивного подхода хорошо видна на примере синтаксического анализа предложения *Жить — Родине служить*, где *жить* сложнорекурсивное подлежащее, сказуемое (*значит*) опущено, а *Родине служить* сложнорекурсивное прямое дополнение, т.е. *Если ты живешь, то должен служить Родине*. Еще несколько примеров: магистраль предложения *Он*

³¹ «В разряд неодушевленных входят существительные, обозначающие совокупность ж и в ы х существ (народ, толпа, взвод, стая, рой, группа и др.), а также собирательные существительные типа молодежь, крестьянство, детвора, пролетариат и др. <...> У одушевленных существительных среднего рода, как и у неодушевленных, в единственном числе форма винительного падежа совпадает с формой им. падежа. Например: *Ах, как я люблю это пустое **существо!*** — простонал Павел Петрович (Тургенев). То же самое наблюдается у существительных женского рода с нулевым окончанием в им. пад.: *вижу **рысь, мышь.*** <...> Между одушевленными и неодушевленными существительными колеблются названия микроорганизмов: *микроб, бацилла, инфузорий, бактерия, амеба* и т.п. Они имеют по две формы винительного падежа: *изучать микробов и микробы; рассматривать вирусов и вирусы в микроскоп; уничтожать бацилл и бациллы.* <...> Употребляются как неодушевленные существительные слова *тип, образ, характер*, являющиеся названиями действующих лиц художественных произведений: *создать сильный **характер**; охарактеризовать отрицательные **типы** и положительные **образы*** [2, с.100-101].

³² Дубовик, Е.Л. Семантико-синтаксическая систематизация сложных рекурсивных предложений в турецком языке. Рукопись дисс... канд. филол. наук. — Минск, 2010. — 114 с.

сказал, что завтра пойдет с нами в кино образуют подлежащее он, сказуемое сказал и сложнорекурсивное прямое дополнение что завтра пойдет с нами в кино; в предложении *А это веселая птица-синица, которая часто ворует пшеницу, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек* рекурсивными оказываются сразу три определения; в предложении *Мы позвоним тебе, когда будем выходить* сложной рекурсии подвергается обстоятельство времени и т.д. Показательно решение проблемы атрибутивного 的 *·de* при рекурсивном анализе китайского предложения 皮球是红的 *Píqiú shì hóng-de*. «Мяч красный». Дело в том, что китайский знак 红 *hóng* «красный» в языковой системе обозначает свойство, а в предложении играет специализированную роль определения, поэтому не требует навешивания 的 *·de*, переводящего индивиду семантику в атрибутивную, например: 石头 *shítou* «камень» → 石头的 *shítou-de* «каменный». Наличие 的 *·de* в предложении-определении 皮球是红的 указывает на пропуск прямого дополнения 东西 *dōngxi* «вещь», «предмет», т.е. мяч есть предмет красного цвета, а не сам красный цвет. Действительно, с точки зрения классической логики, тождество должно устанавливаться между однородными объектами: индивидом и другим индивидом или признаком индивида и другим признаком индивида. В данном случае китайский язык оказывается более точным в представлении модели мира, чем русский. Правильный синтаксический разбор предложения: 皮球 *píqiú* «мяч» – подлежащее, 是 *shì* «есть» – сказуемое, 红的 *hóng-de* «красный» – определение, 东西 *dōngxi* «вещь», «предмет» – реконструированное прямое дополнение. Поскольку в основу языковой системы положены семантические примитивы, следует добиваться минимальной глубины рекурсивной реконструкции, когда пропущенный член предложения восстанавливается на первом или, максимум, на втором вхождении. Например: 苹果多少钱两斤? *Píngguǒ duōshao qián liǎng jīn?* Сколько стоит килограмм яблок? → 苹果是多少钱我要买两斤? *Píngguǒ [shì] duōshao qián [wǒ yào mǎi] liǎng jīn?* Букв.: Яблоки [есть] сколько денег, [мне нужно купить] один килограмм. В строке стихотворения А. Блока Ночь. Улица. Фонарь. Аптека свернутые члены предложения также легко реконструируются. Ночь ≡ Есть ночь ≡ Данное время суток имеет свойства ночи³³; Улица ≡ Я иду по улице ≡ Я перемещаю себя по улице;

³³ «Сразу делается очевидным, что именное предложение нельзя считать предложением с отсутствующим глаголом. Оно столь же законченно, как и любое глагольное высказывание. Нельзя его считать и предложением с нулевой связкой, потому что нет никаких оснований в индоевропейских языках рассматривать отношение между именным предложением и предложением глагольным с глаголом «быть» как отношение нулевой формы и формы полной. <...> Иными словами, между субъектом и именным членом, выполняющим глагольную функцию, нет в действительности равенства» [3, с. 175]. И далее: «В основу анализа, как исторического, так и описательного, следует положить различие двух слов, которые смешивают, когда рассуждают о глаголе «быть»: одно из них — «связка», грамматический показатель тождества; другое — полнозначный глагол. <...> Его значение — «иметь существование, принадлежать действительности», и это «существование», эта «действительность» определяются как нечто достоверное, непротиворечивое, истинное. <...> «Иметь» — это не что иное, как инвертированное

Фонарь ≡ *Горит фонарь* ≡ *Некто зажег фонарь*; *Аптека* ≡ *Я вижу аптеку*³⁴. «О недоступном для наблюдения, — писал Я. Бодуэн де Куртене, — мы не должны утверждать ничего такого, что не опиралось бы на изучение доступного наблюдению. Мы обязаны всегда придерживаться ретроспекции с переходом от известного к неизвестному, но никоим образом наоборот»³⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаченко, А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А.В. Исаченко // *Slavia*. — Praha, 1958. — Roč. XXVI. — Seš. 3. — С. 338.
2. Шанский, Н.М., Тихонов, А.Н. Современный русский язык: В 3-х ч. — Ч.2. Словообразование. Морфология. — М.: Просвещение, 1981. — 270 с.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М.: «Прогресс», 1974. — 448 с.

«быть у»: *mihi est pecunia* «у меня есть деньги» инвертируется в *habeo pecuniam* «Я имею деньги» [3, с. 203, 204, 213]. Ср.: Отец — учитель, но учитель — не обязательно отец. Подробно об этом см.: Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики... С. 33–35.

³⁴ По поводу реконструкции ядерной семантической цепочки *субъект – акция – объект* и имплицитной трехсоставности неполных предложений см. также: Мартынов, В.В. Категории языка... С. 15–43.

³⁵ Baudouin de Courtenay. Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation) // *Indogermanische Forschungen*. — 1894. — Bd. 4. — S. 45–57.